

К вопросу об идейно-политическом обосновании создания государственно-частных военизированных систем в контексте стратегической наступательной культуры

Шапкин Павел Александрович —

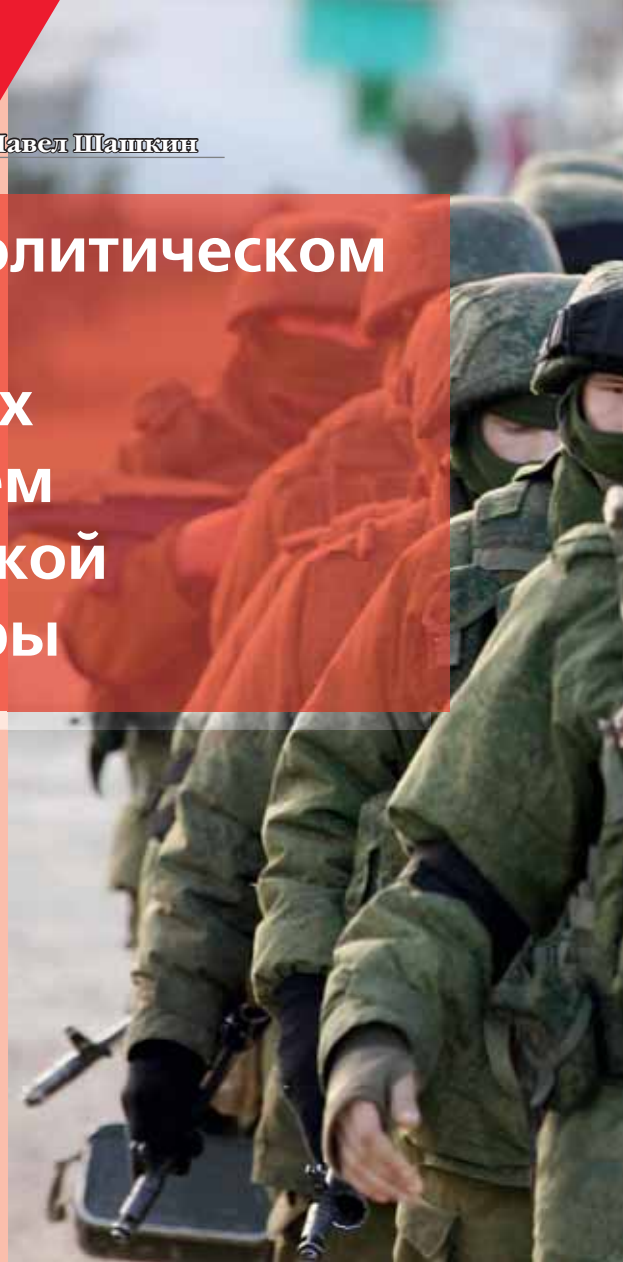
старший научный сотрудник Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

УДК 327.51

В статье рассматриваются современные военные конфликты, а также характерные черты и особенности стратегической наступательной культуры. Она всегда предполагает наличие элиты борьбы, единой военно-гражданской корпорации, обладающей способностью духовного стратегического целеполагания и как следствие опирающейся на единство государственной и негосударственной систем обеспечения национальной безопасности, на единый комплекс — «тотальные силы», — сочетающий в себе государственные и негосударственные силы обеспечения политики безопасности, непосредственно взаимодействующие с ними НКО, политические партии и движения, религиозные институции, СМИ и предпринимательские структуры. Ядром такого комплекса постепенно становятся государственно-частные военизированные формирования нового типа, отвечающие требованиям ведения асимметричных и гибридных войн.

Ключевые слова

Война смыслов, гибридные войны, частные военные компании, глобальное лидерство, элита, национальная мощь.

Утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. Военная доктрина Российской Федерации к основным задачам мобилизационной подготовки относит среди прочего *создание специальных формирований, предназначенных при объявлении мобилизации для передачи в Вооруженные силы или использования в интересах экономики Российской Федерации*. По сути, декларируется возможность создания в перспективе военизированных формирований, обладающих признаками негосударственных (государственно-частных) военных и разведывательных компаний, способных решать специфиче-

Выбирая богов, мы выбираем свою судьбу.

Вергилий

..Русская армия была самой победоносной армией всей мировой истории, включая в эту историю и Древний Рим... которая первые сражения иногда и проигрывала, но пока что не проиграла ни одного последнего.

И. Солоневич

ские задачи в сфере обеспечения политики национальной безопасности, не относящиеся к прямым задачам Вооруженных сил в мирное время. Если рассмотреть проблему шире, речь может идти о создании формирований, составляющих значительный сегмент сил национальной безопасности, в сфере ответственности которых находятся ключевые вопросы обеспечения экономической и общественной безопасности в условиях военных конфликтов, обладающих чертами гибридной войны.

Современные военные конфликты имеют, как отмечается в Военной доктрине Российской

Федерации, характерные черты и особенности гибридных войн, среди которых:

- комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций;
- участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний;
- применение не прямых и асимметричных способов действий;
- использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений.

Практика создания специальных структур, призванных усилить национальные вооруженные силы и государственные силы обеспечения национальной безопасности, придающих общей системе обороны и безопасности более гибкий характер, который отвечает современным угрозам, и дополняющих ее, выступая своего рода «третьим сектором» (негосударственная система обеспечения безопасности), является своего рода ответом на объективно сложившуюся реальность — утрату национальными государствами монополии на применение силы. Такая практика соответствует общемировой тенденции. Иными словами, асимметричные войны,

Элита определяет национальную конкурентоспособность, эффективность управления, мотивацию и волю государства и общества.

характеризуемые разноуровневой субъектностью участников (от профессиональных военных до некомбатантов), предполагают и асимметричный ответ.

Анализируя утрату государствами монополии на применение силы, Дж. Арас пишет: «Негосударственные военизированные системы (структуры) по состоянию на начало XXI в. находятся в состоянии непрерывной динамики и многовекторной трансформации... По уровню организации и боевой подготовки многие из них вышли на уровень регулярных армий. Они имеют относительно дешевое, но современное и смертоносное оружие самого широкого диапазона... Полностью контролируют обширные серые зоны — существующие участки территории целого ряда стран, выведенные из-под фактического и юридического контроля центральных правительств и трансформированные в операционные и транзитные узлы военизированных формирований и организованной преступности. Интенсивно проникают в политическую и экономическую систему государства; располагают клонированными структурами прикрытия в виде партий и общественных организаций; имеют собственные парламентские фракции и контролируемые средства массовой информации. Осуществляют представительство в международных организациях. Участвуют в мировых экономических процессах. Формируют параллельные (теневые) транснациональные сообщества. Реализуют активное идейно-теоретическое обоснование насилия... Наконец, являются основными субъектами Четвертой

мировой войны (асимметричной войны), международного терроризма» [1].

Следует обратить внимание и на то, что подобные структуры далеко не всегда действуют вразрез с интересами тех или иных государств, напротив, именно они являются, как правило, проводниками геополитических интересов транснациональных элит, широко представленных в органах власти национальных правительств, выступающих в качестве заказчиков, партнеров и контролеров негосударственных военизированных систем.

Востребованность такого рода военизированных структур в наши дни связана в том числе и с их максимальной гибкостью и эффективностью, которые в условиях ставшей реальностью перманентной гибридной войны опираются на базис лишь частично реализованного в национальных вооруженных силах профессионального потенциала и обладают ясными корпоративными идейно-политическими установками и идеологической спайкой, что еще больше отличает их в выгодную сторону от государственных вооруженных сил, ориентированных, как правило, на размытую государственную идеологию или полное ее отсутствие (как это имеет место в настоящее время с Российской Федерацией).

В этом смысле частные военные компании (ЧВК) и частные разведывательные компании (ЧРК), являясь логическим продолжением транснациональных компаний (ТНК), развивают их стиль организации и методы, позволя-

ющие быть более эффективными, нежели национальные государства. Как следствие, они постепенно забирают часть полномочий последних. При этом лидерство в военном вопросе государства и его вооруженных сил формально не подвергается сомнению, поскольку в этом нет необходимости. Напротив, ЧВК благодаря своей эффективности становятся критически важной частью самой системы вооруженных сил и национальной безопасности, своего рода частью симбиоза — «государственно-частного партнерства» в военной области государственных, коммерческих структур и институтов гражданского общества (политических партий, НКО, религиозных организаций).

Абстрагируясь от собственно узкой тематики ЧВК, ЧРК и их, несомненно, блестящих перспектив в условиях глобализации, построенной на принципах доминирования ТНК и постепенной эрозии национальных государств, хотелось бы обратить внимание именно на *идейно-теоретическое обоснование насилия* в данном контексте и те идейные установки, которые способны придать динамику процессу создания отечественных «специальных формирований» государственно-частного типа и нивелировать угрозы сведения таких формирований до уровня обычных наемных формирований либо типовых под-

разделений сил специальных операций, так называемых вежливых людей.

Противники утраты государством и национальной армией монополии на насилие в основном обращаются к аргументу, что национальная армия есть своеобразная устоявшаяся военная каста со своим набором традиций, трансляцией опыта через прозрачную и понятную обществу систему подготовки кадров и своей элитой, тесно связанной мировоззренчески и экономически с правящей элитой государства. Это пока еще верно, но лишь отчасти, а в среднесрочной перспективе, вероятно, и вовсе перестанет быть верным. Эрозия и перерождение политических и военных элит в классическом их понимании, неспособность массовых бюрократизированных структур, построенных по принципу вертикали власти и возникших в безвозвратно ушедшую эпоху раздела мира между ведущими государствами-нациями на сферы ответственности, оперативно и адекватно реагировать на масштабные вызовы новой транснациональной глобалистской реальности, их косность и инертность в принятии решений довольно давно критикуются экспертами и представляют серьезный вызов будущему национальных государств и их вооруженных сил.

Для анализа генезиса сложившейся ситуации в данном слу-

чае вполне применим по аналогии «железный закон олигархии» Р. Михельса, сформулированный им применительно к политической партии: стратегическая задача может быть эффективно решена только централизованной структурой, лидерство в которой принадлежит ограниченному числу лиц, обладающих достаточными профессиональными компетенциями и личными волевыми качествами. «Современная партия — это в политическом смысле слова боевая организация, поэтому быстрота и эффективность ее действий зависят от безусловного следования законам тактики, то есть способности быстро реагировать на требования момента и обеспечивать точное выполнение поставленной задачи. Это в свою очередь неизбежно ведет к олигархической, централизованной структуре» [2]. Добавим от себя: структуре с немногочисленным управляющим звеном, закрытой и высокопрофессиональной. Современные ТНК во многом соответствуют упомянутым критериям, что обеспечивает им несомненные преимущества по сравнению с государственной бюрократией. Теми же признаками обладают ЧВК и ЧРК как боевые группы ТНК.

Вопрос, на который предстоит ответить политической и военной элите российского государства, заключается в том, как верно комбинировать опыт, накопленный в этой области ТНК,

адаптировав его к имеющейся структуре массовых вооруженных сил — вооруженного народа, доставшейся в наследство от эпохи революций и тотальных мобилизаций. Идеино-политическое обоснование этого вопроса, для общественного мнения в том числе, в данном случае имеет не последнее значение.

Начнем собственно с ответа на вопрос: *что же такое дееспособная элита в наше время?* Классическое определение элите дал К. Мангейм в своей работе *Man and Society in an Age of Reconstruction*, охарактеризовав ее как часть системы коллективной ответственности и обязательств, чье существование определяется не жадностью отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми. Элита непосредственно участвует в принятии значимых для общества и государства решений, являясь примером для массового подражания. Именно элита определяет национальную конкурентоспособность, эффективность управления, мотивацию и волю государства и общества. Формирование сознания элиты — несомненно, важнейший фактор национальной безопасности. Если сознание элиты сохраняет историческую адекватность, то есть способность сознавать и преследовать на практике политические, военные и духовные цели, это национальная элита. Формирование же сознания элиты извне за счет импортного мировоззрения и идеологии представляет собой форму внешнего управления. В таком случае речь может идти о псевдоэлите, действующей в интересах не нации, а ее конкурентов. Уместно будет привести здесь и тезис генерала А.А. Прохожева: как правило, именно элита закрепляет свою систему ценностей и защищает ее, в том числе вооруженным путем, причем как внутри своей

страны, так и за рубежом, используя в этих целях подконтрольную ей псевдоэлиту [3].

Тем большее значение приобретает формирование сознания элиты, единой элиты — политической и военной (если принять как данность неразделенность войны и политики) — в условиях, когда главной целью противоборства становится не физическое устранение противника, а в первую очередь подавление его воли и сознания, не техническое или количественное силовое превосходство, а превосходство когнитивное в органичном сочетании с первым. Претендуя на суверенность, сегодня нельзя быть лидером в области технологий, оставаясь аутсайдером в идеологии. *Только лидерство в идейно-политической сфере, в том числе в области идейно-теоретического обоснования насилия, сочетаясь с экономическим и военным потенциалом, является очевидным признаком полноценности элиты — носительницы наступательной стратегической культуры.*

Единство целей войны и политики в сознании элиты рождает в свою очередь единство административно-политического и военного аппарата, единую систему государственных и негосударственных систем оборо-

ны и безопасности, опирающуюся на общую стратегическую культуру нации.

Лидерство же в данном вопросе в наше время принадлежит, что неудивительно, англосаксонскому миру и в первую очередь США. Под широко используемым термином стратегии национальной безопасности США «*национальная мощь*» подразумевается *вся совокупность материальных и моральных ресурсов нации*, направленных на продвижение национальных интересов как вовне, так и внутри государства. Не только материальная, но и духовная мощь государства, общества, личности, вооруженных сил, в частности приданных им частных формирований, рассматривается, таким образом, как исключительно важный фактор достижения социальных, экономических, политических и военных целей. Этот фактор пронизывает все элементы совокупной мощи государства, оказывая существенное влияние на темпы развития и эффективность использования материальной силы и государства, и общества, и вооруженных сил. Он фактически определяет способность государства, общества, вооруженных формирований обеспечивать в конкретных социально-политических условиях поддержание материальных

и духовных сил народа на уровне, необходимом для достижения поставленных целей.

Заметим, что через два десятилетия после США Российская Федерация также обозначила в качестве главной цели разработки новой редакции стратегии национальной безопасности до 2020 г. консолидацию всех государственных и негосударственных внутренних резервов — экономического, политического, человеческого, культурного и духовного потенциала. Вопрос о формах государственно-частного партнерства в этой сфере, включая взаимодействие государственных сил обеспечения безопасности с негосударственной системой обеспечения безопасности и институтами гражданского общества, остается открытым.

Между тем реализуемая США политика «национальной мощи» и «глобального лидерства» имеет объективный идейно-политический срез и активно применяемые практические механизмы реализации, что прослеживается, в частности, на примере военной доктрины США, важнейшим компонентом которой является так называемая *война смыслов* — противоборство в когнитивной области — управление сознанием атакующей стороны и атакуемого противника через формирование определенных духовных ценностей, интересов и идентичностей.

В рамках классической модели стратегии современной войны американская военная наука (концепция Дж. Бойда) обозначает следующие элементы «войны смыслов»:

- *моральная война*: разрушение воли противника, в том числе путем его внутреннего раздробления, подрыв общих ценностей и представлений в обществе;
- *ментальная война*: деформация и искажение восприятия противником реальности на основе дезинформации и введения в заблуждение;
- *физическая война* — завершающий этап [4, с. 264].

Две составляющие этой триады со всей очевидностью говорят о ключевом значении идейно-политического обоснования насилия в реализации государством и обществом стратегических задач развития, о принципиальном значении системного подхода в осуществлении политики национальной безопасности и стратегического планирования ее информационно-аналитического обеспечения с участием не только государственной, но и негосударственной системы обеспечения безопасности и общества в целом.

Как уже подчеркивалось, и не раз, отечественными и зарубежными экспертами, в современных войнах и конфликтах так называемого четвертого поколения, когда первоочередной целью войны становится внутреннее сокрушение противника, прежде всего его воли к сопротивлению, ключевой категорией является именно фактор моральной стойкости противоборствующих сторон, объектом же выступает их сознание. М. ван Кревелд утверждал: «Война — это прежде всего вопрос моральной стойкости» [5, с. 122–127].

Современная военная мысль прямо выделяет в качестве признаков войн нового поколения

Война, вера и традиция составляют сущностное и неразделимое единство, цель справедливой войны — противостояние цивилизации варварству, в этом сущность консервативного традиционного смысла войны и идейная основа наступательной стратегической культуры.

сильные этические, моральные и религиозные убеждения групп действия — сетевых структур, широко использующих возможности СМИ для воздействия на общественное мнение и привлечения новых сторонников либо нейтрализации противников. Противоборство при этом носит перманентный — беспрерывный и разноуровневый характер, так как в него вовлечены практически все значимые институты как государства, так и гражданского общества. Асимметричные войны, то есть противоборство между субъектами разного уровня, и гибридные войны, сочетающие виды не только физического, но и психического духовного воздействия на противника, являются, таким образом, главным типом противоборства в наше время.

Особенностями такого противоборства становятся:

- сокрушение противника изнутри путем доведения его до государственного краха через подавление воли к сопротивлению;
- всеобъемлющий характер противоборства, пронизывающий все сферы общественного бытия;
- широкое использование сетевых и информационных технологий;
- *решающая роль морального фактора в борьбе, носящей асимметричный характер, в том числе и в духовной сфере, так как стороны имеют собственные представления о мо-*

рали, методах и целях противоборства и руководствуются исключительно ими [4, с. 403–404].

Таким образом, главная цель противоборства — обеспечить интеллектуальное, когнитивное, духовное доминирование, что закрепляется затем доминированием физическим.

В стратегическом масштабе «война смыслов» реализуется в форме так называемого *организованного хаоса*, который предполагает утрату элитой национальных государств контроля над принятием решений в ключевых областях жизни общества, широкое использование носящих транснациональный характер сетевых структур, в том числе различного рода иррегулярных формирований и групп влияния, для подрывной деятельности внутри национальных государств с целью обеспечения внутреннего перерождения сознания вначале элиты, а затем и остальных социальных групп, в необходимом ключе с последующим принятием нового более низкого статуса и выгодной победившей стороне модели управления. Особо подчеркивается, что «война смыслов» всегда представляет собой противоборство систем цивилизационного уровня, идентифицирующих себя с той или иной суммой своих базовых нравственных ценностей и на этой основе причисляющих себя к той или иной цивилизации [5, с. 503–511].

В практическом смысле концепция «национальной мощи» США и их союзников реализуется так называемыми тотальными силами. Их составным элементом являются силы специального назначения, значительный сегмент которых со временем эволюционировал до государственно-частного военного образования. Уже изначально, с 1971 г., в состав «тотальных сил» включались не только вооруженные силы США и их союзников по военно-политическим блокам и двусторонним соглашениям, то есть регулярные войска, но и все резервные компоненты, в том числе *формируемые, развертываемые по мобилизации (формулировка, позаимствованная действующей Военной доктриной РФ)*. Сюда же относилась вся совокупность военного, оборонно-промышленного и связанного с ними гражданского потенциала США и их союзников. В дальнейшем концепция «тотальных сил» получила развитие с учетом расширяющегося влияния ТНК и их боевых групп, что выразилось в инкорпорации их сегментов в единую систему обороны и безопасности трансатлантического блока.

В этом смысле стремительный рост статуса и влияния англо-саксонских ЧВК в системе «тотальных сил» в XXI в. был по сути предопределен, что можно отследить на примере наиболее крупного игрока на этом рынке услуг — группы *Blackwater — Xe Services LLC — Academi Greystone*, позиционирующей себя как «отборную», «малую армию», способную эффективно решать задачи, обременительные для регулярных вооруженных сил. Она делает ставку на человека-профессионала, а не на массу и обладает собственной корпоративной идеологией, опирающейся главным образом на консервативные ценности.

Примечателен этот факт еще и потому, что корпоративная идеология *Academi* при этом органично включена в общую гражданскую религию США, одной из составляющих которой являются определенные идеологические аналогии между американской и древнеримской государственностью. Основатель *Blackwater* Э. Принс в свое время даже ввел для своих структур присягу на верность гражданской религии США, тем самым подчеркивая

важным финансированием избирательных кампаний Республиканской партии.

Окончательное утверждение ЧВК в роли полноценных партнеров и части системы обороны и национальной безопасности США состоялось в период президентства Дж. Буша-младшего. Открытый альянс военных, ЧВК и военно-промышленного комплекса сложился в годы повторного пребывания в должности мини-

Общество в целом создает необходимые условия для победы в сражении, сражение же выигрывается профессионалами.

идейно-политический вектор деятельности компании, действующей исключительно в национальных интересах.

Примечательна в этом смысле и сама фигура Э. Принса. Он выходец из глубоко религиозной семьи, связанной с Голландской реформатской и Римско-католической церквями, некоторое время работавший в избирательном штабе П. Бьюкенена. На протяжении длительного времени поддерживал тесное сотрудничество с правыми политическими (консерваторы-республиканцы) и религиозными (католики и правые протестанты) кругами, оказывая им финансовую помощь. Его карьера отмечена участием в делах Совета по национальной политике (закрытого сообщества консерваторов), тесным политическим и деловым взаимодействием с объединенным движением католиков, протестантов и светских консерваторов — «теоконов», входивших в руководство высших политических и военных структур США в период правления администрации Д. Буша-младшего и тесно связанных с этой политической династией. Путь к возвышению созданной им группой ЧВК был отмечен последо-

стра обороны Д. Рамсфелда, провозгласившего в 2001 г. доктрину, согласно которой военная политика США должна опираться на частный сектор, делать упор на секретные операции, технически сложные системы вооружения, а также использовать преимущественно силы специального назначения и наемников [6, с. 53]. Действия Министерства обороны США в этот период сочетались с наращиванием политической поддержки идеи расширения полномочий «частного сектора» в «глобальной войне с терроризмом» и «крестовом походе» в рамках реализации неоконсервативного проекта «Новый американский век», инициированного тем же Д. Рамсфелдом и вице-президентом США Д. Чейни. Практическое же включение частного сектора в состав вооруженных сил было озвучено в опубликованном в 2006 г. обзоре деятельности Министерства обороны США. Доклад определял понятие «тотальные силы» Министерства обороны как «действующие и находящиеся в резерве военные элементы, гражданские служащие и субподрядчики, составляющие боевой потенциал министерства и определяющие его возможности...». Как утверждалось в докладе, тотальные силы «вытол-

няют широкий спектр обязанностей для достижения критически важных целей» [6, с. 56].

В некоторых аспектах российское Министерство обороны попыталось дублировать этот набор средств в период руководства А.Э. Сердюкова. Примечателен также и тот факт, что Д. Рамсфелд окончательно ушел в отставку в результате так называемого бунта генералов, не согласных с урезанием их полномочий гражданскими... Но дело Д. Рамсфелда, как представляется, в Лету не кануло и имеет своих продолжателей, поскольку речь идет в том числе и об идейно-политическом обосновании государственно-частного партнерства в сфере обороны и безопасности, проистекающего из стратегической культуры англосаксов и их союзников по западному блоку. Следовательно, это не конъюнктурный, а вполне осознанный стратегический выбор. Этот выбор обусловлен, на наш взгляд, не чем иным, как стратегической культурой США — наступательной стратегической культурой, предполагающей концентрацию любых необходимых средств, особенно в критически важных областях, для достижения максимального результата.

Генерал А.И. Владимиров отмечает следующие черты стратегической культуры США, добавим от себя, и англо-саксонского мира в целом:

- способность к глубокому стратегическому национальному целеполаганию и наличие разработанной национальной стратегии действий в любых ситуациях;
- решительность и глобальность национальной стратегии;
- способность руководства государства к плановой, целеустремленной и решительной реализации национальной стратегии и к мобилизации для этих целей необходимых ресурсов;
- способность использовать любые методы, в том числе на-

сильственные, для достижения поставленных целей [4, с. 270].

Итак, речь идет о классической наступательной стратегической культуре, от которой и отталкивается в практическом плане концепция «тотальных сил».

Уместно поставить вопрос: является ли этот тип культуры собственнo англосаксонским достижением или все-таки речь идет об общеевропейском наследии? Представляется, что верным является последнее. Оборонительная стратегическая культура, которую приписывают традиционнo русско-евразийской цивилизации, — это скорее периферийный вариант и один из кластеров европейской стратегической культуры. Она может быть адекватно оценена только в контексте противостояния между родственными цивилизациями европейского типа. В отношении цивилизаций и культур иного типа русская цивилизация никогда не действовала оборонительно, многократное расширение Российского государства, его многовековая геополитическая экспансия, включая борьбу за Константинополь и проливы, советская экспансионистская политика говорят об обратном...

Хотелось бы напомнить некоторые из подзабытых идейно-политических принципов этой культуры воевания, укорененных в общих традициях европейских народов. *От «войны смыслов» обратимся к «смыслам войны».*

Наш соотечественник белоэмигрант А.А. Зальф в работе «Основной закон и принципы вооруженной борьбы» так сформулировал главный закон вооруженной борьбы: «В боевом состязании побеждает та сторона, которая раньше произвела такое количество боевой полезной работы, которое необходимо, чтобы сломить моральное и материальное сопротивление противника и заставить его подчиниться нашей воле» [7, с. 520]. Моральное подавление противника и подчинение его воли, как видим, выдвигается в качестве основного пред условия победы.

Отметим и некоторые другие ключевые принципы войны, общие для европейской и русской военной школы как ее подвиды с учетом опыта наших соотечественников в эмиграции:

- война есть столкновение воли элит между собой, а равно элит и масс, цивилизаций между собой и цивилизации с варварством;

- главный принцип победы в войне — «сосредоточение силы против слабости», сосредоточение усилий в определенном решающем месте и в определенном ключевой момент, усилий профессиональных и целевых;
- в войне побеждают «стратегией духа», морально подавляя противника и закрепляя победу физическим путем, побеждают умением, а не числом (суворовский принцип);
- современная война как война тотальная ведется в первую очередь по линии противостояния «цивилизация — варварство» и только во вторую очередь между цивилизациями. Победа закладывается наступательной стратегической культурой, не оборонительной...

Эти принципы и сегодня применимы в полной мере к практике асимметричных и гибридных войн. Для их более полного анализа обратимся к идейно-нравственному содержанию самого феномена войны, ее духовному измерению, составляющему сущность стратегической культуры элиты и нации в целом.

Смыслы и традиция войны

Обратимся непосредственно к определению войны, ее ценностному смыслу в европейской культуре, что особенно важно для анализа такого типа противостояния, как «цивилизация — варварство», который мы сегодня

наблюдаем на примере борьбы с так называемым международным терроризмом.

Тезис первый: европейская традиция войны — это прежде всего наступательная стратегическая культура. Война вечна и естественна. Победа достигается как результат единства духовных и материальных усилий, при этом первые имеют решающее значение.

Разделяя точку зрения, что война, как и противоборство в принципе, всеобща и вечна, необходимо особо подчеркнуть, что сущность такого сложного явления, как война, несомненно, имеет метафизические, духовные и религиозные истоки.

Уже Гераклит (544–483 гг. до н.э.) говорил: «Война (*polemos* — греч. битва, война) — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». Война, в его понимании, связана с понятием логоса как вечной энергии, вечного огня, преобразующего мир, война как явная, так и латентная — одна из ключевых форм такого преобразования. Человечество изначально рассматривало войну «как вечную битву между метафизическими силами: с одной стороны, ураническими силами света и порядка, с другой стороны — темными силами хаоса и материи» [8, с. 46].

Эта битва всегда носила скрытый характер — духовная борьба в то же время проявлялась во внешней форме, как война в собственном смысле слова. «Римляне, как и древние и традиционные люди в общем, верили во встречу и взаимопроникновение божественных и человеческих сил... Именно римским мнением было то, что, чтобы выиграть войну в материальном мире, ее нужно выиграть — или, по крайней мере, обеспечить благосклонность военной удачи — мистически» [8, с. 53].

Дуализм внутренней и внешней борьбы, таким образом, разумный баланс между ними не случайно рассматривался как залог успеха в войне. Именно поэтому война в античном мире воспринимается как абсолютное действие и единство духовного и материального [8, с. 62]. Война — это «путь героев и богов». В таком прочтении справедливая война (*iustum bellum*) есть высший акт действительной духовности и решительности в достижении высших трансцендентных стратегических смыслов и целей, действительное воплощение традиции и ее защита. «Сакральность войны, то есть то, что обеспечивает духовное оправдание

войны и ее необходимость, составляет *традицию* в высшем смысле слова: это то, что проявлялось всегда и везде, в восходящем цикле всякой великой цивилизации; в то время как военный невроз, гуманистическое и пацифистское осуждение войны, а также концепция войны как печальной необходимости или чисто политического или природного явления — ни одна из них не соответствует никакой традиции...» [8, с. 19].

Более того, античное понимание войны — это культ героизма и победы любой ценой. Причем священный смысл победы как опорной точки истории, точки раскрытия высших духовных ее смыслов, задающей вектор движения к дальнейшим победам, является основой основ европейской традиции воевания. «Считалось, что каждая победа создавала новый центр сил, отдельный от личной индивидуальности смертного, реализовавшего ее, или, другими словами, победитель становился силой, существующей в почти трансцендентном порядке: силой не победы, достигнутой в данный момент истории, но, как прямо утверждало римское выражение, „вечной“ или „бесконечной“ победы» [8, с. 54–55].

Таким образом, *духовный смысл войны всегда связан с традицией наступательной стратегической культуры и победы, достигаемой за счет единства духовных и физических усилий*. Более того, классическая и осевая для европейской цивилизации античная традиция утверждает, что война, вера и традиция составляют сущностное и неразделимое единство, цель справедливой войны — *противостояние цивилизации варварству*, в этом сущность консервативного традиционного смысла войны и *идейная основа наступательной стратегической культуры*.

Поэтому гибридная борьба, «мягкая сила» и вооруженная борьба как крайнее средство, то есть война в строгом смысле слова, могут рассматриваться

цивилизаций в погоне за материальными ресурсами. *Но подлинная основа стратегической наступательной культуры носит, несомненно, духовный и сакральный смысл.*

Тезис второй: для успешного ведения перманентной войны ради достижения осмысленной победы требуется идейно-политическое обоснование — духовный смысл.

В наше время кризис технократических элит, использующих духовные факторы в качестве вспомогательных, а не системообразующих либо вовсе отрицающих их значение в реализации решений и действующих по формуле одного из отцов социал-демократии Э. Бернштейна «цель — ничто, движение —

Война всегда есть в конечном счете противоборство идей и элит, которые эти идеи исповедуют и утверждают, в том числе силовым путем.

как естественные формы защиты цивилизации, веры и традиции, как формы противоборства, сбалансированно сочетающие в себе духовную и материальную составляющие. В этом смысле справедливость либо несправедливость войны определяется в конечном счете только ее высшей духовной целью и мерой соотношения этой цели и применяемых для ее реализации средств. История знает многочисленные попытки ложной сакрализации войны и объявления ее священной, притом что методы и цели подобных войн неизбежно исказались и приводили к прямо противоположному результату (наиболее свежий пример — радикальный ислам). Известны и обратные примеры: десакрализация войны, примитивизация ее целей вели и ведут к хищническому, грабительскому войнам на уничтожение и истребление целых культур и ци-

все», напрямую влечет за собой деградацию самого типа воевания до откровенно варварских форм, до «войны всех против всех» либо до бесцельной и бессистемной борьбы с неопределенным количеством врагов, которых невозможно ясно идентифицировать, как это имеет место в борьбе с неким расплывчатым явлением под названием «мировой терроризм» с неназванной конечной духовной целью. Это вполне объяснимо, поскольку построение некоего глобального эгалитаристского универсального сообщества народов, приверженного размытым общечеловеческим ценностям, является по крайней мере утопизмом, но никак не может служить объективной духовной целью войны.

Между тем духовный целенаправленный смысл войны как непреходящего процесса на протяжении всей истории чело-

вечества вплоть до конца этой истории определяется, что очевидно, только религиозными воззрениями на природу борьбы добра и зла. Как отмечал И.А. Ильин, религиозность природы человека означает вместе с тем ее цельность и способность к осознанному и целенаправленному сопротивлению злу силою, в том числе вооруженной силою как крайним средством. И если взять за данность тезис, что миру в принципе присуща борьба, то необходимо сказать, что только религиозная борьба, борьба идейная — борьба целенаправ-

войне управляемой и направляемой определенной духовной целью и волей элит с их деградацией пришла «мятежевойна», «восстание масс», «война всех против всех», «иррегулярство» вооруженной массы. Попытка управления подобной ситуацией при помощи технологий «управляемого хаоса» демонстрирует, что управлять хаосом в полной мере как раз нельзя, как в случае с «Исламским государством». Поэтому *технологии «войн смыслов» в борьбе с новым варварством должны в этой ситуации получить дальнейшее развитие,*

имеющим базовых нравственных ценностей, а лишь имитирующим их по мере необходимости, то есть речь идет о крайней форме ассиметричной войны, в том числе в области идеологии.

Таким образом, обращаясь к глубинному традиционному смыслу войны, мы приходим и к четкой идентификации главного противника в этой войне — нового «варварства», а вовсе не абстрактных цивилизаций. «С высоты данного исторического момента следует признать, что концепция „всемирной мятежевойны“ Е.Э. Месснера, исходящая из факта противостояния „цивилизация — варварство“, представляется более актуальной, реалистичной, жизненно важной (судьбоопределяющей), ориентирующей и мобилизующей, чем популярная и пока еще несколько фантастическая идея „столкновения цивилизаций“ американца Самюэля Хантингтона. Последний, принимая во внимание исламское возрождение и азиатский подъем, ведущиеся по линиям цивилизационных разломов войны, всего лишь только указал на возможность конфликтов между группами различных цивилизаций...» [9, с. 397].

Анализируя феномен «мятежевойны», Е.Э. Месснер справедливо пишет о том, что «новому варварству» — хаосу материалистической революции, меняющей идеологические личины от религиозного фанатизма до секулярного радикализма, может с успехом противостоять только «ре-революция», опирающаяся на сознание того, что дух, идея — основа всего бытия, а не материя, поскольку человечество в своем большинстве от природы склонно к мистике и религиозности [9, с. 121–122]. И мы видим, как радикальные группировки по всему миру успешно используют этот фактор в борьбе с цивилизацией. Вывод очевиден: духовный фактор, использу-

Именно в малой армии воплощается верное сочетание духа и материи при безусловном преобладании первого, именно она инструмент «ре-революции» против «мятежевойны».

ленная и тем самым осмысленная имеет шанс на победу. Вне-религиозная борьба — процесс «управления» хаосом, напротив, цели не имеет. Как следствие, хаос неизбежно выходит из-под мнимого контроля «управляющих», и война становится неуправляемой. Европейская традиция говорит об обратном: мир есть не состояние без войны, так как война всеобща и вечна, а завершение войны на определенное время, результат целенаправленных духовных и материальных усилий. При обратном подходе миротворчество зачастую оборачивается консервацией хаоса и «замороженными конфликтами», а не победой. Как мы видим на практике, нездоровый пацифизм и тактика «избегания войны», «умиротворения агрессора» всегда провоцировали еще больший всплеск насилия, что уже в наше время привело к «мятежевойне».

Итак, борьба всеобща и постоянна, эту мысль вслед за Гераклитом развивал и апостол Павел: *vita est militia super terram*. Но на смену

идейно-теоретическое обоснование и новое адекватное практическое содержание.

Одним из источников технологий «организованного хаоса» можно справедливо считать творчество нашего соотечественника полковника Е.Э. Месснера, известного военного теоретика в эмиграции, предложившего концепцию «всемирной мятежевойны» (перманентное воевание гражданскими «массами» — иррегулярными формированиями и некомбатантами) как основной формы ведения современной гибридной войны. Принципиальное отличие его концепции, однако, состоит в том, что речь в ней идет не о противоборстве цивилизаций, обладающих базовыми системами ценностей (противостояние между цивилизационными блоками по образцу холодной войны, характерное для американских теорий «организованного хаоса» и «столкновения цивилизаций»), а о столкновении «цивилизации» с новым «варварством», по сути вовсе не

емый варварством как имитация религиозности, как фанатизм, может и должен быть использован цивилизацией в своих целях, в том числе и в технологиях «войн смыслов».

Но может ли западная цивилизация, оперирующая преимущественно секулярными ценностями, использовать сегодня в борьбе с варварством духовный фактор, как это бывало ранее?

Почему бы нет. Не случайно гражданская религия США оперирует понятиями духовности, обращается в своей символике к римскому наследию и имперской миссии Рима как хранителя цивилизационных устоев. Это является, несомненно, частью политической культуры США, находящей свое отражение в американской религиозности (теоконсерваторы) и в практическом плане составляющей наступательной стратегической культуры в рамках политики «национальной мощи». Согласно ей победа достигается в первую очередь за счет духовного, когнитивного превосходства. Борьба ведется «тотальными силами», то есть всей нацией и ее союзниками, но решающий удар в конечном счете наносится «малой армией» в ключевых точках. Общество в целом создает необходимые условия для победы в сра-

жении, сражение же выигрывается профессионалами.

Российская Федерация сегодня также выражает стремление копировать этот опыт.

Тезис третий: в перманентной войне, тем более в войне асимметричной и гибридной, побеждают не простой массовостью, а системностью — «стратегией духа», организуемой элитой борьбы.

«Иррегулярство побеждается „стратегией духа“, как верно утверждали русские военные мыслители зарубежья. Но стратегии духа способна реализовать только элита — носитель наступательной стратегической культуры. И для этого требуется элита необходимого интеллектуального и духовного уровня — элита борьбы.

Элита борьбы есть, по определению, духовная элита. Элита борьбы на современном этапе приобретает, как и сама борьба, наиболее эффективные и гибкие формы самоорганизации — «орденские». Примером такой формы самоорганизации в наше время является конгломерат специальных воинских подразделений, спецслужб, ЧВК и ЧРК, прошедших путь от наемных подразделений до своего рода профес-

сиональных армий в миниатюре, подчиненных воле определенной элиты. Конкуренция и столкновение элит, таким образом, получают свое развитие в создании этими элитами специальных военизированных систем, в том числе государственно-частных, способных дополнять и, если обстановка того потребует, корректировать и контролировать массовые национальные вооруженные силы — «вооруженный народ», — не способные эффективно действовать в условиях асимметричных и гибридных войн, более того, превращающиеся в опасный объект манипулирования со стороны внешних и внутренних противников и структуры гражданского общества и бизнеса — составляющие «тотальных сил».

Тезис четвертый: в условиях постоянной борьбы с «мятежевойной» естественной формой организации элиты борьбы становится малая отборная армия — «ударная армия», неотделимая составляющая элиты, ее ядро.

Е.Э. Месснер утверждал: ядром контрмятежной системы и ее главной ударной силой должна стать «небольшая, но качественно мощная, отборная профессиональная армия» («регулярный корпус из профессионалов»), «отлитая из благородных метал-

лов, а не из легковесных», с крепким духом и отличным офицерством, владеющая современным военным искусством, не перегруженная техникой, подвижная и способная наносить противнику прежде всего *„моральное потрясение“* [9, с. 473].

Если в своей основе европейская идея войны может рассматриваться как идея борьбы элиты против «первобытной орды», победа духа, воли и разума над хаосом, достигаемая единством духовного и материального при доминировании первого, если главным принципом войны становится то, что она должна вестись целенаправленно, осмысленно и, следовательно, духовно, тогда решающее значение приобретает фактор наличия такой военизированной системы, которая делает ставку на профессионального бойца, подкованного в том числе идейно-политически. Подобная система реализуется в форме профессиональной государственно-частной малой отборной ударной армии, которая в сочетании с массовыми вооруженными силами, ВПК и структурами гражданского общества составляет ядро единой системы «тотальных сил».

Ключевой вопрос, как всегда, состоит в том, какой именно человеческий ресурс наполняет эти структуры и какие идеи и интересы будут двигать или уже движут этими людьми. Вопрос тем более важный, что война всегда есть в конечном счете противоборство идей и элит, которые эти идеи исповедуют и утверждают, в том числе силовым путем.

В этом случае Россия вполне может опираться не только на опыт США и НАТО, но и на свой собственный.

Ударная армия

«Русская зарубежная военная мысль совершенно самостоятельно создала доктрину малых

армий» [10, с. 188], «ударных войск» еще в первой половине XX в., опираясь на опыт первоначального развертывания Добровольческой армии из отрядов «ударников» и волонтеров и последующий опыт белой Русской армии Крымского и Галлиполийского периодов. Как показала практика, кадрированные части Русской армии и в дальнейшем РОВС, среди которых Корниловские, Марковские и Дроздовские подразделения, будучи разбросаны по разным странам, на протяжении десятилетий сохраняли боевую спайку и высокую боеспособность благодаря своей элитарности, высокому морально-политическому и интеллектуальному уровню.

Представители русской военной мысли в изгнании, в том числе ветераны этих подразделений, в первую очередь представляли так называемой балканской школы, говоря о будущей русской армии, во главу угла ставили интуицию, военную энергию, отбор, качество, концентрацию волевой силы — удар, реализуемый малой отборной идейно-политически мотивированной армией — частью национальной элиты. При этом ударные формирования вовсе не исключают и массовые вооруженные силы, и наличие «гражданского» сектора обеспечения армии, напротив, последние обязательно подготавливают и закрепляют успехи «ударников». Но именно в малой армии воплощается

верное сочетание духа и материи при безусловном преобладании первого, именно она инструмент «ре-революции» против «мятежевойны».

Как верно подчеркивали наши соотечественники, «всякая армия стоит того, чего стоят ее кадры». Акцент в современном конфликте смещается на человека и его сознание. Следовательно, формирования малой армии должны отвечать критериям профессионализма, идейно-политического качества и обладать гибкой универсальной структурой, обеспечивающей ей возможность действовать автономно, в том числе независимо от большинства государственных структур в случае их временного или полного исчезновения в условиях масштабного геополитического кризиса, и находиться в прямом распоряжении только высшей военно-политической элиты, чьей неразрывной частью она является.

Такого рода кадрированные части, формируемые на добровольческой основе из профессионалов, и должны составлять костяк «ударной армии». Крах российской государственности в 1917 г. продемонстрировал катастрофический сценарий обратного: массовая армия разложилась, «ударные части» в силу своей малочисленности и организационной разобщенности не смогли удержать страну от геополитической катастрофы.

Принципиально важно исключить в будущем такую ситуацию. А для этого ставка должна делаться на человека, что возможно только в рамках малой армии и элиты, а не на системы разнообразных силовых институтов, за вывеской которых может скрываться совершенно неадекватное содержание.

Генерал Б.А. Штейфон справедливо отмечал: «...современная военная мысль представляет армию какой-то гигантской фабрикой, где главная роль принадлежит машинам, а люди лишь обслуживают эти машины. В сознании современных „миролюбивых мечтан“ настойчиво внедряют мысль, что они могут воевать только машинами, а сами они ничто. „Человека“ упразднили; но „человек“ еще вернется и жестоко накажет тех, кто о нем позабыл. Было бы, конечно, не только легкомыслием, но и преступлением отрицать могущество современной техники... *И все же человек был, есть и будет главным фактором побед*». И далее: «...и мои единомышленники, и я в решении вопроса о малых армиях видим решение главной современной социальной проблемы. Мы убеждены, что мир ныне переживает жесточайший моральный кризис. Мудро разрешить этот кризис может только идея „качества“, одушевляемая идеалами духа, но никак не идея „количества“, порожденная материалистическими исповедания-

Профессиональная армия — это хорошо закаленный клинок, современная скрытно-милиционная армия — это чугунный топор. Первая из них — прочна и надежна; скрытно-милиционная — полна микробов разложения.

ми. Проповедь идеи малых армий (то есть принципа „качества“ (духа) является стремлением вернуть русское военное искусство к его историческим национальным истокам, стремлением воскресить суворовские заветы» [10, с. 182, 190]. *Иными словами, вернуться к русской военной традиции и европейской традиции воевания в целом можно только реализуя в новом качестве концепцию малой армии — «ударников», но уже как военизированную систему нового типа для гибридной асимметричной войны.* Такие формирования, несомненно, должны строиться на определенных принципах, на которых остановимся особо.

Идейные принципы ударной армии

Первым из таких принципов, несомненно, является *профессионализм*, предполагающий духовную и интеллектуальную элитарность формирований, достигаемую путем отбора в них лишь людей творчески одаренных — имеющих соответствующие достижения не только и не столько в военно-прикладном деле, а военно-стратегически одаренных и идейно мотивированных. Только в профессиональных вооруженных формированиях, как утверждал Е.Э. Месснер, верно решается задача соотношения количества и качества в пользу последнего, при этом не игнорируется и первое. Между тем военно-прикладные навыки могут быть освоены творчески одаренными людьми в большинстве случаев, чего нельзя сказать об обратном. Такое «сочетание возможно лишь в про-

фессиональной армии, где качество может быть доведено почти до идеала и где вопрос о количестве разрешается тем легче, чем больше возрастает качество. Профессиональная армия — это хорошо закаленный клинок, современная скрытно-милиционная армия — это чугунный топор. Первая из них — прочна и надежна; скрытно-милиционная — полна микробов разложения. Первая — это строй, вторая — это толпа». Продолжая мысль о воинском профессионализме, Е.Э. Месснер также пишет: «...путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силою духа, энергией, удалью; путем длительного воспитания в профессиональной армии качества эти могут быть развиты до высокой степени и они могут быть дополнены величайшей из военных добродетелей — готовностью к самопожертвованию, жаждою самопожертвования. Возможность накопления этих духовных богатств делает профессиональную армию идеалом армии» [10, с. 227–228].

Развивая этот принцип, отметим, что «ударная армия» — всегда «умная армия», когнитивно-боевое специальное формирование смешанного военно-гражданского типа, являющееся частью единой национальной элиты, обладающей в равной мере и военной, и гражданской управленческими компетенциями, которые в современном мире неотделимы. Именно поэтому такие формирования неизменно будут отличать высокий корпоративный дух и спай-

ка, которые придают им высокую боеспособность.

В свое время Шарль де Голль, несомненный сторонник сочетания гражданской и военной компетенций в рамках единой системы управления, также обосновал необходимость малой маневренной армии, ведомой духовной элитой, армии-корпорации. «Элита предчувствует все, что воинский порядок дает ей в области энергичных действий. Необходимо, — писал Шарль де Голль, — чтобы доблесть придавала воинскому порядку идеал обновления, сообщала ему с помощью элиты единство стремлений, вызвала страсть и оплодотворяла талант...» [11, с. 284]. И далее: «... профессиональная армия очевидно представляет для воинского духа наиболее подходящую почву. Остается сделать так, чтобы эта совокупность намерений и чувств превратилась на этой благодарной почве в практическую военную мощь. Пока страсти человеческие остаются рассеянными, они не дают ничего систематизированного, а следовательно, и ничего эффективного. Им необходимо кристаллизироваться в строго определенных границах (очертаниях). Вот почему патриотизм неизменно носит характер чего-то местного. Каждая религия сооружает свои собственные храмы, а культ оружия настойчиво требует корпоративного духа» [11, с. 96].

«Военной элите пора вновь осознать свою выдающуюся роль». Но для этого она должна быть именно элитой интеллектуальной и духовной — органичной частью политической элиты общества; элита по определению не может быть многочисленной... также как и ее боевое крыло. «Наступает время элитных солдат и отборных команд». «Мы увидим, — говорит Поль Валери, — как будут развиваться начинания небольшого числа избранных людей, действующих группами, вызывающих за несколько мгно-

ваний в непредвиденном месте, в определенный час потрясающие события» [11, с. 284].

Отличительной особенностью таких формирований станет в первую очередь подавление воли противника к сопротивлению, в чем заключается главная цель современной войны, универсальность решаемых ими боевых задач, предельная решимость в их реализации, точность и быстрота воплощения решений.

Каждая религия сооружает свои собственные храмы, а культ оружия настойчиво требует корпоративного духа.

Генерал А.К. Байов также говорит о стратегической необходимости для России иметь особую малую армию, «каковую только и можно отлично подготовить, то есть придать ей во всех отношениях высокое качество, это первенствующее свойство, дающее возможное быть сильнейшим на всех и на отдельных театрах войны, на каждом поле сражения и в решительном пункте его в решительную минуту» [10, с. 258].

Такая военизированная система по определению привержена стратегической наступательной культуре, способна ее воспитать и реализовать в сражении.

Не менее важный принцип для «ударников» — консерватизм: приверженность традиции, из которой и следует культура войны.

Для успеха борьбы «ре-революции» против «мятежевойны» необходим соответствующий уровень идейно-политической мотивации, «духовного, морального вооружения» ударных формирований, который должен превосходить идейную мотивацию противника. С этой целью следует поддерживать корпоративный дух, обращаясь к глубин-

ным психологическим типам, то есть воспитывая приверженность традиции и религиозности как сути органического архетипа и следующему из него образу культуры войны. Сугубо материальная и рациональная мотивация здесь неуместна, войнами не становятся, ими рождаются. «Ре-революция — это продолжение революции, но лишь на иной идейной базе... Покуда существует Зло, нельзя отказываться от применения силы для защиты Добра... Ре-революция

не будет сговариваться с революцией. Она будет бороться. А для борьбы надо вооружиться физически и, главное, морально... Духовное вооружение, моральное вооружение нужны революции, потому что она потребует большого напряжения в борьбе. Шансы на успех борьбы велики» [9, с. 452, 456].

Наконец, еще один важный принцип: форма «ударной армии» должна в полной мере соответствовать и ее содержанию, и требованиям настоящего момента — гибридная война требует гибкой, многоуровневой сетевой структуры, построенной по орденскому принципу, «гибридной армии». Как точно заметил один из современных военных аналитиков, «войны XXI века будут носить иной характер, изменят свое содержание и потребуют качественно других Вооруженных сил» [12].

«Цивилизация столкнулась с широким спектром агрессивных действий прямого и косвенного характера, против которых у нее нет адекватной защиты. Нынешние системы обеспечения общественной безопасности были созданы для борьбы с система-

ми нападения государств или их коалиций, по крайней мере с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что как минимум имеет географически локализуемую институциональную структуру. А против нового класса угроз, против типологически новых, „распыленных“ по планете субъектов эти системы не работают, их мощь уходит в песок. На планете возникает феномен „диффузных войн“, происходит диффузия временных и пространственных границ конфликтов, их субъектов и объектов, применяемых средств, мишеней и методов ведения боевых действий» [9, с. 416].

Следовательно, необходима система национальной безопасности нового уровня, в которой малая армия станет своего рода ядром более широкой системы контрмятежной борьбы.

«Главнейшим направлением „реорганизации для мятежевойны“ Е.Э. Месснер считал создание особой системы безопасности, возвышение армии с уровня униженного существования до высот национальной святости, укрепление ее духа („моральное вооружение“), превращение обычного „шаблонного войска“ в „надлежащее контрвойско“, специально подготовленное для

действий в условиях мятежевойны (в том числе и в обстановке гражданской войны), владеющее искусством контрпартизанской и контртеррористической борьбы. Без решения этих задач успешно бороться с мятежевойной невозможно» [9, с. 473]. Развивая данную мысль, следует сказать, что необходимо по крайней мере создать адекватную решениям форму, предполагающую встроенность «ударников» в единую систему национальной безопасности нового уровня, важным элементом которой может стать когнитивно-финансово-разведывательная корпорация, выполняющая функции своего рода интеллектуального штаба.

Участники консилиума в Институте экономических стратегий РАН в свое время дали такое определение этой структуре и ее месту в системе национальной безопасности: «В мире, где стерта грань между войной и миром, между тайным и явным, между легальным и нелегальным, профессорской науке места нет. Нужно другое. Это другое называется *когнитивно-разведывательной структурой*. Во-первых, эта структура имеет дело с огромными потоками разнокачественной информации, синтезируя данные социальных и естественных наук, аналитику разных видов

и повседневную информацию. Во-вторых, это сетевая структура по определению. В-третьих, это структура международная, которая активно подключает к своим исследованиям, если необходимо — втемную (нужно называть вещи своими именами), крупных исследователей из других стран. Эта структура принципиально не политическая, она не завязана ни на какую политическую силу, а выражает целостные и долгосрочные интересы своего социума. Более того, она должна быть готова действовать в качестве субъекта в мире, когда государство перестает быть единственным значимым субъектом в мире, а в условиях тотальной катастрофы — геоклиматической, социальной, техногенной — может исчезнуть вообще или временно.

Интеллектуально-финансово-разведывательная корпорация — это субъект нового мира. Ее задача — сохранение социума, накопленных знаний, количественное и качественное развитие последних, консолидация субъекта стратегического действия и защита этого субъекта, во-первых, от сетевиков извне, а во-вторых, в случае необходимости от биомассы внутри страны.

Когнитивно-разведывательная структура, о которой идет речь, должна быть наступательной организацией стратегического назначения, то есть она должна быть исходно ориентирована на преодоление русской нестратегичности и оборонительности» [13]. Иными словами, «ударников» должна дополнять государственно-частная разведывательная корпорация.

Не менее важным является и полноценное включение в общую систему национальной безопасности собственно негосударственных сил безопасности, выполняющих функции кадрового резерва и вспомогательные функции обеспечения основ-

ных сил в рамках единой системы «тотальных сил». Генерал А.А. Прохожев справедливо отмечает: «Негосударственная система обеспечения национальной безопасности является неотъемлемой составной частью целостной общей системы обеспечения национальной безопасности любой демократической страны. Исходной предпосылкой ее права на существование является политологическая истина, что гражданское общество не идентично государству и что государство призвано служить гражданскому обществу. Именно общество формирует и содержит государственные структуры и поэтому имеет все основания направлять и контролировать деятельность государства исходя из ценностных ориентаций и законов. Наличие и одновременное функционирование государственной и негосударственной систем обеспечения национальной безопасности создает стабильность в стране и то необходимое „равновесие“, которое способно убедить общество и государство от раскола, социальных потрясений и бед... Для устранения многих имеющихся сложностей в отношениях двух систем необходимо сделать их взаимодействие добровольным и взаимовыгодным. Цель такого сотрудничества должна заключаться в том, чтобы государственная и негосударственная системы функционировали как союзники, дополняя усилия друг друга в деятельности по обеспечению национальной безопасности страны» [3].

Подводя общие итоги, следует сказать, что преодоление нестратегичности и оборонительности возможно только через обращение к уникальному опыту русской военной школы и европейской военной школы в целом, их творческому переосмыслению с учетом текущего момента. «Главный завет эмиграции в этой области — преобладание духа над материей. Идеи всегда были, есть

и будут первопричиной побед и поражений, так как „только они одушевляют материю“ (Б. Штейфон), утверждают национальный характер военного искусства, позволяют творчески решать любые боевые задачи» [7, с. 526].

Стратегическая наступательная культура всегда предполагает наличие элиты борьбы, единой военно-гражданской корпорации, обладающей способностью духовного стратегического целеполагания и как следствие опирающейся на единство государственной и негосударственной систем обеспечения национальной безопасности, на единый комплекс — «тотальные силы», — сочетающий в себе государственные и негосударственные силы обеспечения политики безопасности, непосредственно взаимодействующие с ними НКО, политические партии и движения, религиозные институты, СМИ и предпринимательские структуры. Ядром такого комплекса постепенно становятся государственно-частные военизированные формирования нового типа, отвечающие требованиям ведения асимметричных и гибридных войн.

Учитывая мировой опыт, в новой транснациональной реальности для преодоления нестратегичности и оборонительности России необходимо форсированно идти по пути развития собственных государственно-частных военизированных систем, включая специальные формирования, о которых говорится в «Военной доктрине Российской Федерации», с опорой на традиции русской военной школы. Только такого рода формирования — «ударная армия» — способны будут в недалеком будущем гарантировать решение ключевых задач обеспечения национальной безопасности, перехода от оборонительной стратегической культуры к наступательной.

■

ПЭС 16008 / 15.01.2016

Источники

1. Арас Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aras/14.php.
2. Железный закон олигархии Р. Михельса [Электронный ресурс]: В работе «К социологии партии в условиях современной демократии» // Новое публичное управление. URL: <http://pavroz.ru/files/michelszilzak.pdf>.
3. Общая теория национальной безопасности [Электронный ресурс]: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева // Учебники online. URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_235.html.
4. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: Монография: В 2 ч. Часть II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 976 с.
5. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: Монография: В 2 ч. Часть I: Основы теории войны. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 832 с.
6. Скейхилл. Д. Blackwater. Самая могущественная наемная армия в мире. М., 2015. 480 с.
7. Российский военный сборник. Вып. 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.
8. Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов, 2008. 168 с.
9. Российский военный сборник. Вып. 21. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005.
10. Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России? Взгляд из истории. М., 1995.
11. Российский военный сборник. Вып. 14. За профессиональную армию. Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке. М., 1998.
12. Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. 1997. № 2. С. 13.
13. Консилиум [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/future/konsilium>.

On the Issue of Ideological and Political Justification of Creating Public-Private Paramilitary Systems in the Context of Strategic Offensive Culture

Shashkin Pavel Aleksandrovich

Center for Political Studies of the Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with modern military conflicts, as well as characteristics and peculiar features of strategic offensive culture. This culture always presupposes the existence of struggle elite, a single civil-military corporation capable of spiritual strategic goal setting and as a result — relying on the unity of the state and non-state national security systems, on a single complex — “total forces” — which combines public and private forces ensuring security policy, NPOs that directly interact with them, political parties and movements, religious institutions, mass media and business structures. Public-private paramilitary units of a new type, meeting the requirements of conducting asymmetric and hybrid wars, gradually become the core of this complex.

Keywords: war of meanings, hybrid wars, private military companies, global leadership, elite, national power.

References

1. Aras Dzh. *Terrorizm vchera, segodnya i naveki* [Terrorism Yesterday, Today and Forever]. Biblioteka Gumer, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aras/14.php.
2. *Zheleznyy zakon oligarkhii R. Mikhel'sa. V rabote «K sotsiologii partii v usloviyakh sovremennoy demokrati»* [The Iron Law of Oligarchy by R. Michels. In the paper “On the Sociology of Political Parties in Modern Democracy”]. Novoe publichnoe upravlenie, available at: <http://pavroz.ru/files/michelszilzak.pdf>.
3. *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti* [The General Theory of National Security]. Uchebnik. Prokhozhev A.A., ed. Uchebniki online, available at: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_235.html.
4. Vladimirov A.I. *Osnovy obshchey teorii voyny: monografiya v 2 ch.* [Fundamentals of General Theory of War: a monograph in 2 parts]. *Chast' II: Teoriya natsional'noy strategii: osnovy teorii, praktiki i iskusstva upravleniya gosudarstvom* [Part II: The Theory of National Strategy: Fundamentals of Theory, Practice and Statecraft]. Moscow, Moskovskiy finansovo-promyshlennyy universitet «Sinergiya», 2013, 976 p.
5. Vladimirov A.I. *Osnovy obshchey teorii voyny: Monografiya v 2 ch.* [Fundamentals of General Theory of War: a monograph in 2 parts]. *Chast' I: Osnovy teorii voyny* [Part I: Fundamentals of the War Theory]. Moscow, Moskovskiy finansovo-promyshlennyy universitet «Sinergiya», 2013, 832 p.
6. Skeykhill D. *Blackwater. Samaya mogushchestvennaya naemnaya armiya v mire* [Blackwater. The Most Powerful Mercenary Army in the World]. Moscow, 2015, 480 p.
7. *Rossiyskiy voennyi sbornik. Vypusk 16. Voennaya mysl' v izgnanii. Tvorchestvo russkoy voennoy emigratsii* [Military Thought in Exile. Creativity of the Russian Military Emigration]. Moscow, 1999.
8. Evola Yu. *Metafizika voyny* [Metaphysics of War]. Tambov, 2008, 168 p.
9. *Rossiyskiy voennyi sbornik. Vypusk 21. Khochesh' mira, pobedi myatezhevoynu! Tvorcheskoe nasledie E.E. Messnera* [If You Want Peace, Defeat the Rebellious War! Creative Heritage of E.E. Messner]. Moscow, 2005.
10. *Rossiyskiy voennyi sbornik. Vypusk 9. Kakaya armiya nuzhna Rossii? Vzglyad iz istorii* [What Army does Russia Need? View From the History]. Moscow, 1995.
11. *Rossiyskiy voennyi sbornik. Vypusk 14. Za professional'nyu armiyu. Idei Sharlya de Gollya i ikh razvitie v XX veke* [In Favour of Professional army. The Ideas of Charles de Gaulle and Their Evolution in the XX Century]. Moscow, 1998.
12. Gulin V.P. O novoy kontseptsii voyny [On the New Concept of War]. *Voennaya mysl'*, 1997, no. 2, p. 13.
13. *Sayt S.P. Kurdyumova*, available at: <http://spkurdyumov.ru/future/konsilium>.